

ПЕВИЦА **МАРИЯ ГУЛЕГИНА:**

«Царицу ночи, что ли, начать петь?»

Сегодня в Доме музыки в сопровождении Национального филармонического оркестра поет звезда оперной сцены, солистка «Ла Скала», «Метрополитен», «Ковент-Гарден» Мария Гулегина, которую называют лучшей Тоской нашего времени. Программа называется «Страсти по веризму», так что без музыки из оперы Пуччини дело не обойдется. В Вене после ее эталонной «Тоски» в Венской опере с Марией Гулегиной встречалась музыкальный обозреватель газеты «Известия» **Екатерина Бирюкова.**

ИЗВЕСТИЯ: Я сейчас забавную сцену наблюдала — обязательные автографы и фотографирование с поклонниками в жуткой тесноте служебного входа...

МАРИЯ ГУЛЕГИНА: А в Японии еще хуже. Вообще выйти нельзя два часа после спектакля. Стоит настоящая очередь, и специальные организаторы, четыре-пять человек, управляют этой очередью, чтобы не дай бог кому-нибудь не подписали две программки в одни руки. А петь я там очень люблю. Каждый год как минимум один раз пою, а иногда и по два.

ИЗВЕСТИЯ: Прошлой весной мы вас ждали в Москве с «Набукко», который вы во Франции сделали с московской «Геликон-оперой». Почему этот спектакль не доехал до Москвы?

ГУЛЕГИНА: Мы должны были петь в конце апреля в театре Дорониной, но госпожа Доронина вдруг сказала, что она не хочет поднимать еврейский вопрос накануне Пасхи. Она вообще в курсе, что Иисус Христос по матери еврей? Что «Набукко» — это библейская история? У меня был до этого любимый «Набукко» — метрополитеновский. Но сейчас, боюсь, бертмановский — более любимый.

ИЗВЕСТИЯ: Как случилась ваша дружба с «Геликоном» и его руководителем Дмитрием Бертманом?

ГУЛЕГИНА: Вообще, удивительно. Я должна была петь в Сантандере, в Испании, на фестивале «Норму». И так получилось, что я прилетела в Сантандер с опозданием. Потому что пела прощальную калласовскую продукцию 64-го года — «Тоску» в «Ковент-Гардене».

ИЗВЕСТИЯ: То есть — спектакль, который пела еще Мария Каллас?

ГУЛЕГИНА: Да, эта продукция на нее ставилась. И мне выпала такая честь закрывать всю эту историю. Ну вот, прилетаю я на четыре дня позже, меня уже у трапа самолета встречают и говорят: «Срочно, там Бертман какой-то рвет и мечет». Я думаю: «Да-да-да, сейчас начнется». Я зашла на репетицию, он подошел, поздоровались. И мы, не сговариваясь, сказали друг другу, что «Норму» будем ставить не как бельканто, а как веризм. Чтобы был живой драматический спектакль. Чтобы каждая фраза была оправданна. Чтобы не просто: «Ты встань сюда, потому что здесь свет падает», — а все чтобы шло от внутренней мотивации. Два часа стояли и разговаривали. Он объяснял

свою позицию, я — свою. Потом пошли на сцену. И все начало получаться. Мгновенно. Вот так мы и познакомились.

ИЗВЕСТИЯ: Вы же не любите современную режиссуру, и голос ваш — все-таки другого масштаба, что голоса в «Геликоне».

ГУЛЕГИНА: Вы ошибаетесь, там прекрасные голоса. Честно говоря, я вообще не знаю, как они там умежаются в этом «Геликоне». Хотя когда я зашла в Москве в этот театр, то почувствовала неимоверную добрую ауру. Что мне больше всего нравится: там есть колонна возле стеночки, куда Дмитрий Александрович запускает солистку. Если она проходит между колонной и стеной — берем в театр! Я прошла! И потом, не надо путать современное прочтение и глупый выпендрей. Это две большие разницы. Или четыре маленькие — как говорят в Одессе. Во всяком случае, две постановки, что я с Димой сделала, мне очень нравятся.

ИЗВЕСТИЯ: А с Большим театром у вас так ничего и не сложилось?

ГУЛЕГИНА: Вы знаете, Большой театр — это здание, в принципе. Мне очень оно нравится. Но, понимаете, в театре важен лидер. Если это есть — то это театр. Если каждый тянет одеяло на себя и все какие-то политические идут разборки, то это уже не театр. Это уже балаган. Со мной Большой театр всегда был какой-то очень глупо-амбициозный.

ИЗВЕСТИЯ: В таком случае, что вы думаете про скандальный уход из «Ла Скала» его многолетнего лидера Рикардо Мути?

ГУЛЕГИНА: С одной стороны, страшно, когда массы убирают лидера. Но что-то такое произошло, что люди не могли больше терпеть. Я очень люблю этот театр. Я в нем родилась, выросла, это мой театр. За 10 лет я спела там 14 productions, из них — по два раза «Тоску», «Манон Леско», «Бал-маскарад». То есть ставили новую продукцию, и опять меня приглашали. Мне кажется, для певца это самая большая оценка. Хотя в последнее время русский патриотизм во мне разыгрался, и я швырнула контрактами.

ИЗВЕСТИЯ: Как это?

ГУЛЕГИНА: Я в то время участвовала в венской постановке «Набукко» и летала в Милан, чтобы участвовать в новой продукции «Бала-маскарада». И за то, что меня отпускали из Вены в Милан, «Ла Скала» дал два «Реквиема» в Вене — представляете, вот такой был обмен! И все было хорошо. Но на последний спектакль «Бала-маскарада»

мне принесли подборку рецензий, и в одной было написано, что якобы кто-то мне из зала крикнул: «Русские, возвращайтесь в Россию!». Я взяла эту папку вместе с контрактом на «Макбета» на следующий год, который еще не подписала, бросила на сцену и сказала: «Еще бросьте туда итальянский паспорт, посмотрим, как он запоем». Развернулась и ушла. Потом, когда «Ла Скала» гастролировал в Барселоне, Мути мне позвонил и сказал: «Ну, ладно, ты расщепилась на миланских критиков, но Барселона-то тут ни при чем». Я сказала: «Ладно, Барселона ни при чем». И прилетела, спела.

ИЗВЕСТИЯ: А русские партии вы не любите?

ГУЛЕГИНА: Ну, Лизу (из «Пиковой дамы» Чайковского. — «Известия») пою, просто из патриотизма. Но вообще, если я русская певица и меня приглашают только на итальянские оперы, в хорошие театры и за большие гонорары, то я как бы на рубль дороже считаюсь, понимаете?

ИЗВЕСТИЯ: Как часто вы беретесь за новые партии?

ГУЛЕГИНА: Два раза в год обязательно. В прошлом году была «Травиата». Спела в Японии с Братиславским театром. Я для нее худела — 15 килограммов сбросила.

ИЗВЕСТИЯ: Тяжело дается поддержание формы?

ГУЛЕГИНА: Это все с радостью. Потому что когда я приезжаю домой, в Люксембург, что мне там делать? Сын идет в детский сад, а я надела спортивную форму — и вперед. У меня потрясающие там лес, река. Километр пешком — туда, километр пешком — обратно, а шесть километров — бежком. Нормально.

ИЗВЕСТИЯ: У вас не слишком ли мощное драматическое сопрано для «Травиаты»?

ГУЛЕГИНА: Вы знаете, Верди писал это для драматического сопрано. А то, что там в первой арии большие трудности с колоратурами, — так это, как говорится, «спасение утопающих — дело рук самих утопающих». Даже не знаю, Царицу ночи, что ли, начать петь?

ИЗВЕСТИЯ: Ой!

ГУЛЕГИНА: Вообще-то Моцарт писал это, исходя из характера своей тещи.

ИЗВЕСТИЯ: Чувствуете, у вас такой же?

ГУЛЕГИНА: Нет, конечно. Просто хочется «фа» верхнее показать. А то так живешь-живешь, и никто не подозревает, что оно у меня есть. Кстати, Бертман слышал. Я иногда делаю такие номера. Вот Ливайну (Джеймс Ливайн — художественный руководитель «Метрополитен-оперы». — «Известия») тоже показывала такую хохму. Нравится ставить какую-то цель, поначалу несбыточную, — и работать.

ИЗВЕСТИЯ: Какие серьезные ближайшие планы?

ГУЛЕГИНА: Очень серьезное дело — помянуть баби-ситтера.